

Русский язык

Научная статья
УДК 81'42:81'367:811.111
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-77
EDN: LFBOQW

Аксиологическая семантика высказываний с темпоральными субстантивными оборотами

Татьяна Егоровна Шаповалова

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, Государственный университет просвещения. 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, строение 2

tshapovalova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3060-4089>

Аннотация. Цель статьи заключается в анализе аксиологической составляющей в семантике высказываний с темпоральными субстантивными оборотами, структурированными временной синтаксемой с предлогом после, извлечённых методом сплошной нацеленной выборки из текстов повестей А. И. Куприна.

С применением структурно-семантического и компонентного анализа, а также общенаучных методов наблюдения, квалификации и систематизации выявлена особая аксиологическая значимость темпоральных субстантивных оборотов как языковых средств выражения оценочных реакций субъекта на временную корреляцию событий. Применён метод дистрибутивного анализа текстового материала повестей А. И. Куприна. Для описания аксиологической семантики высказывания с темпоральными субстантивными оборотами применяется путь анализа, предложенный Т. В. Маркеловой, учитывающий когнитивное, коммуникативное, эмоциональное его содержание.

В работе проанализированы высказывания с темпоральными субстантивными оборотами, построенными в соответствии с коммуникативным заданием по семантической модели «предмет и его признак». Доказано, что использование таких высказываний повышает ценностную и оценочную составляющую художественного текста А. И. Куприна.

Теоретическая и практическая значимость работы основывается на анализе и обобщении теоретических положений и практических данных, полученных в ходе лингвистического анализа высказываний с темпоральными субстантивными оборотами. Определены характеристики распространителей единиц измерения времени, приближающие оценку к полюсу хорошо или к полюсу плохо либо сохраняющие нейтральную оценочность. Теоретически обоснован и практически апробирован путь анализа исследовательской проблемы: от установления степени важности использования темпоральных субстантивных оборотов к выявлению и описанию конкретных коммуникативно-прагматических функций данных языковых элементов в текстах повестей А. И. Куприна.

Ключевые слова: категория синтаксического времени; отношения одновременности; отношения следования; оценка; синтаксема с относительным временным значением; темпоральный субстантивный оборот; ценность

Для цитирования: Шаповалова Т. Е. Аксиологическая семантика высказываний с темпоральными субстантивными оборотами // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 77–84. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-77>. <https://elibrary.ru/LFBOQW>

Russian language

Original article

Axiological semantics of statements with temporal substantive constructions

Tatiana E. Shapovalova

Doctor of of philological sciences, professor, head of the department of modern russian language named after prof. P. A. Lecant, State university of education. 105005, Moscow, Radio str, 10A, building 2
tshapovalova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3060-4089>

© Шаповалова Т. Е., 2025

Abstract. The aim of the article is to analyze the axiological component in the semantics of statements with temporal substantive expressions structured by the temporal syntaxeme with the preposition *после* (after), selected by the method of continuous targeted sampling from A. I. Kuprin's stories. Using structural-semantic and component analysis, as well as general scientific observation, qualification and systematization methods, the author shows special axiological significance of temporal substantive constructions as linguistic means of expressing the subject's evaluative reactions to the temporal correlation of events. A. I. Kuprin's stories are analysed using the method of distributive analysis. To describe the axiological semantics of a statement with temporal substantive constructions, the author uses the analysis proposed by T. V. Markelova, which takes into account its cognitive, communicative and emotional content. The paper analyzes the statements with temporal substantive expressions constructed in line with the communicative task according to the semantic model «subject and its attribute». The use of such statements is proved to increase the value and evaluation component of A. I. Kuprin's literary text. Theoretical and practical significance of the work is based on the analysis and generalization of theoretical positions and practical data obtained in the course of linguistic analysis of statements with temporal substantive constructions. The article defines the characteristics of time units extensions, which bring the evaluation closer to the good or bad pole or preserve neutral evaluation. Theoretically substantiated and practically tested is the way of analyzing the research problem: from establishing the degree of importance of temporal substantive constructions to identifying and describing the specific communicative and pragmatic functions of these linguistic elements in A. I. Kuprin's stories.

Key words: category of syntactic tense; time difference; relations of succession; evaluation; syntaxeme with relative temporal meaning; temporal substantive construction; value

For citation: Shapovalova T. E. Axiological semantics of statements with temporal substantive constructions. *Verhnevolski philological bulletin*. 2025;(1):77–84. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-77>. <https://elibrary.ru/LFBOQW>

Введение

Целью настоящей статьи является исследование аксиологической составляющей в семантике высказываний с темпоральными субстантивными оборотами, структурированными временной синтаксемой [Золотова, 2001, с. 4] с предлогом *после*: *После пяти часов стали съезжаться гости* (Гранатовый браслет). Речевой материал извлечён методом сплошной нацеленной выборки из повестей А. И. Куприна [Куприн, 1976].

Тексты повестей А. И. Куприна динамичны, взволнованны, пропитаны драматизмом, трогательны, волшебны, печальны. Предъявляя читателю рассказ о жизни героя, его непростой, трудной судьбе, писатель всегда наделяет повествование художественно ценностной информацией, ведёт речь о борьбе человека со своими страстями, используя при этом коммуникативно мотивированные языковые знаки. Для создания динамичного, компрессированного текста, передавая не только временную корреляцию событий, но и яркую позитивную или негативную эмоционально-экспрессивную реакцию на них героев Куприн использует высказывания с темпоральными субстантивными оборотами.

Объективно-субъективная категория синтаксического времени для «оптимального варианта своей речевой организации» [Валгина, 2003, с. 5] находит презентацию в любом тексте с помощью изосемических и неизосемических средств [Шаповалова, 2020].

Синтаксема с относительным временным значением квалифицируется нами как неизосемическое средство выражения категории синтаксического времени, например: *После словесности люди занимались на дворе пригготовительными к стрельбе упражнениями* (Поединок). Конечно, семантика таких синтаксем зависит, прежде всего, от значения производного предлога и его синтаксического потенциала. Предлогу *после* присуще значение следования в общем виде, когда презентуется временная последовательность одного события по отношению к другому: «употребляется при указании на событие, явление, действие, которые непосредственно следуют во времени за названным действием, состоянием» [Словарь структурных слов русского языка, 1997, с. 275]. Способный управлять формой родительного падежа имени существительного, предлог *после* создаёт синтаксему с собственной семантикой. В лексическом значении существительного, на базе которого создаётся такая синтаксема [Шаповалова, 2021, с. 59–64], отсутствует сема времени, однако при помещении её в предложение с временными отношениями происходит переосмысление лексической семантики синтаксической словоформы, и она становится метафорической единицей измерения времени [Лекант, 2016], наполняется событийными и оценочными смыслами и оттенками значений, служит семантическому осложнению простого предложения.

Синтаксему с относительным временным значением мы отличаем от темпорального субстантивного оборота, которым признаётся синтаксическая конструкция, организованная именем существительным с зависимыми компонентами: *Старая Мануйлиха стала после моего выздоровления так несносно брюзглива, встречала меня с такой откровенной злобой и, покамест я сидел в хате, с таким шумным ожесточением двигала горшками в печке, что мы с Олесей предпочитали сходить каждый вечер в лес...* (Олеся); *Когда я в первый раз вижу море после большого времени, оно меня и волнует, и радует, и поражает* (Гранатовый браслет); *И надо тебе сказать правду: после нескольких слов моей странной незнакомки я почувствовал себя со стыдом весьма маленьким, весьма обиденным и весьма пошленьким человеком* (Колесо времени). Лексическое и грамматическое значение предлога, вещественные значения сочетающихся знаменательных слов в их взаимодействии создают значение субстантивного оборота, способного выступить языковым знаком ценностной и оценочной семантики высказывания, зафиксировать положение высказывания не только на временной оси, но и на так называемой оценочной шкале, активно смещая его к полюсам *хорошо* или *плохо*, сохраняя нейтральную оценочность или выражая значение своевременности / несвоевременности.

Семантическая модель «предмет и его признак»

Темпоральный субстантивный оборот строится в соответствии с коммуникативным заданием по семантической модели «предмет и его признак» и представляет собой словосочетание, в котором репрезентируются атрибутивные либо атрибутивно-объектные семантико-синтаксические отношения, являющиеся «внутренней формой» такого словосочетания. «Внешняя форма» субстантивного оборота отличается грамматической организованностью и представлена подчинительной связью полного согласования или слабого управления зависимого компонента со стержневым, главным [Шаповалова, 2020]. Используя в позиции единиц измерения времени имена существительные разных лексико-грамматических разрядов, и атрибутивный распространитель, выраженный качественным или относительным прилагательным [Лагузова, 2024], падежной формой имени существительного, темпоральный субстантивный оборот служит

описанию оценочно-признакового фрагмента функционально-семантического поля оценки [Маркелова, Петрушина, 2019, с. 84] и презентации аксиологически и художественно значимого содержания высказывания: *Я знаю давно, что эти надоедливые, какие-то многосторчатые составные выдвигные сны снятся после больших душевных потрясений* или накануне их (Колесо времени); *После вчерашнего дождя и шторма был ясный солнечный день, тихий и тёплый, и вся Марсель казалась заново вымытой* (Колесо времени); *После истории девицы Лимы следовала новая повесть: «Княгиня Вера и влюблённый телеграфист»* (Гранатовый браслет). «Под ценностью имеется в виду понятие, относящееся к сфере должного, а под оценкой – проявление ценностного отношения субъекта речи» [Сигал, 2019, с. 236].

По словам Е. М. Вольф, «Объективный мир членится говорящим с точки зрения его ценностного характера – добра и зла, пользы и вреда и т. п., и это вторичное членение, обусловленное социально, весьма сложным образом отражено в языковых структурах» [Вольф, 2002, с. 5]. Для описания аксиологической семантики высказывания с темпоральными субстантивными оборотами применим путь анализа, предложенный Т. В. Маркеловой [Маркелова, 2024], учитывающий несколько элементов смысла: когнитивное, коммуникативное, эмоциональное его содержание.

Хорошо / плохо / нейтрально на шкале оценки

Положительно-оценочное значение складывается из когнитивного содержания ‘хорошо’, коммуникативного – ‘одобрение’, эмоционального – ‘приятно’: *После сегодняшних утренних важных и гордых мыслей он чувствовал себя теперь маленьким, жалким, бледным школьником, каким-то нелюбимым, робким и заброшенным мальчуганом, и этот переход был постыден* (Поединок). Лексика, относящаяся к зоне положительного в системе языка, способствует экспликации полюса *хорошо* на шкале оценки с помощью темпорального субстантивного оборота: *сегодняшних* – ‘относящийся к текущему дню’ [СТС, 2004, с. 731]; *утренних* – ‘происходящий утром, по утрам’ [СТС, 2004, с. 882]; *важных* – ‘имеющий особенно большое значение, существенный’ [СТС, 2004, с. 63]; *гордых* – ‘возвышенный, высокий’ [СТС, 2004, с. 136]. «Ценности, реально объективированные в языке, носят принципиально имплицитный характер, они не

даны нам в непосредственном наблюдении» [Радбиль, 2020, с. 168]. *Остальные цветы после своей роскошной любви и чрезмерного обильного летнего материнства тихо осыпали на землю бесчисленные семена будущей жизни* (Гранатовый браслет). «В значение прилагательного входит имплицитная оценка» [Девятова, 2024, с. 44]. Лексическая семантика атрибутивных элементов формирует положительно-оценочное значение темпорального субстантивного оборота: своей – ‘исходящий от самого себя’ [СТС, 2004, с. 727]; роскошной – ‘яркий’ [СТС, 2004, с. 707]; чрезмерного – ‘превосходящий меру, слишком большой по силе, степени проявления’ [СТС, 2004, с. 63]; обильного – ‘имеющийся в большом количестве, в избытке’ [СТС, 2004, с. 425]; летнего – ‘относящийся к лету – самому тёплому времени года’ [СТС, 2004, с. 317]. В результате высказывание наполняется семантикой своевременности, которую можно отнести к положительно-оценочному значению темпорального субстантивного оборота.

Отрицательно-оценочное значение складывается из когнитивного содержания ‘плохо’, коммуникативного – ‘неодобрение’, эмоционального – ‘неприятно’: *В ней господствовал тот печальный, грязный беспорядок, который всегда остаётся после поспешного выезда* (Олеся). Анализ семного состава темпорального субстантивного оборота выявляет семантику несвоевременности, относящуюся к отрицательно-оценочному значению: поспешный – ‘сделанный, исполненный наспех, небрежно’ [СТС, 2004, с. 584]. *Ну, к чему эти объяснения, после внезапного и фамильярного знакомства?* (Колесо времени): внезапного – ‘непредвиденный, наступивший вдруг, неожиданно’ [СТС, 2004, с. 83]; фамильярного – ‘излишне непринуждённый, бесцеремонный, неуместно развязный’ [СТС, 2004, с. 887].

Благодаря наличию в высказывании темпорального субстантивного оборота возможно обнаружить «пресуппозитивную, коннотативную или импликационную часть, потому что только так носитель языка может оперировать ими, принимая их на веру, не рефлектируя и не задумываясь» [Радбиль, 2020, с. 169]: *Неужели вы думаете, что мой муж был так великодушен после вашей драки, что удержался от удовольствия рассказать мне, откуда вы приехали тогда в собрание?* (Поединок); *И, как это всегда с ним бывало в последнее время после крупных огорчений, он увидел себя во сне мальчиком* (По-

единок); крупный – ‘важный, существенный, серьёзный’ [СТС, 2004, с. 303].

Для квалификации отрицательно-оценочного значения важно учитывать синтагматический характер связи всех компонентов высказывания на смысловом и грамматическом уровнях, с учётом порядка слов в предложении: *Жест после долгой паузы выйдет ненатуральным... станет ещё стыднее и неловче...* (Колесо времени); *Потом Шульгович вдруг замолчал; послышался чей-то дрожащий, умоляющий голос, и вдруг, после мгновенной паузы, Ромашов явственно, до последнего оттенка, услышал слова, произнесённые со страшным выражением высокомерия, негодования и презрения: – Что вы мне очки втираете?* (Поединок); *Где-то на углу молодого человека задержал городской, и только после длинного и бурного объяснения Николаю удалось доказать, что он товарищ прокурора, а не ночной грабитель* (Гранатовый браслет). В таком случае семантика атрибутивного компонента темпорального субстантивного оборота оказывается не столь существенной: долгой – ‘продолжающийся в течение значительного времени; длительный’ [СТС, 2004, с. 168]; мгновенной – ‘быстро проходящий, кратковременный’ [СТС, 2004, с. 339]; длинного – ‘продолжительный, долгий по времени’ [СТС, 2004, с. 164]; бурного – ‘протекающий с необычайной интенсивностью’ [СТС, 2004, с. 60] по сравнению со значением примарных (*станет ещё стыднее и неловче...; ночной грабитель*) и секундарных (*произнесённые со страшным выражением высокомерия, негодования и презрения*) предикативных признаков.

Наши наблюдения подтверждают мнение К. Я. Сигала о том, что «аксиологическая функция ориентирована на синтаксис, так как субъект речи нуждается в осуществлении оценочной предикации, в развёртке ценностных суждений, в выражении иерархии ценностей, в маркировании одинаковости оценок либо перехода от негативной оценки к позитивной (и наоборот)» [Сигал, 2019, с. 236].

Нейтрально-оценочное значение складывается из когнитивного содержания ‘нормально’, коммуникативного – ‘безразлично’, эмоционального – ‘удовлетворительно’: *После ночного перехода или мы в атаку* (Поединок); *ночного – ‘происходящий, совершающийся ночью’* [СТС, 2004, с. 419]. *Теперь, по уходе простых верующих и после небольшого отдыха, надлежало совершиться второй части великого тайнодей-*

ствия (Суламифь); *После небольшого молчания он возгласил: – Оплачемте Озириса, бога Атому, великого Ун-Нофер-Онуфрия, бога Она!* (Суламифь); небольшого – ‘непродолжительный по времени’ [СТС, 2004, с. 397]. *У меня... после лиманного режима... аппетит, как у выпускного... прапорищика* (Гранатовый браслет); лиманного – ‘относящийся к лиману – поросшему водной растительностью заливу моря’ [СТС, 2004, с. 319]. *После ружейных приёмов по разделениям или приёмы без разделений, потом повороты, вздаивание рядов, примыкание и размыкание и другие разные построения* (Поединок); ружейных – ‘относящийся к ручному огнестрельному оружию с длинным стволом’ [СТС, 2004, с. 709]. При этом организующим темпоральный субстантивный оборот существительным может быть не только девербатив, но и конкретное имя: *Прежде и Соломон посещал храм Изиды в дни великих празднеств и приносил жертвы богине и даже принял титул её верховного жреца, второго после египетского фараона* (Суламифь); египетского – ‘относящийся к Египту’ [СТС, 2004, с. 182]. Отвлечённые, образованные от глагола или конкретные имена существительные в составе темпорального оборота вместе с зависимыми от них распространителями имплицитно выражают нейтральное оценочное значение.

Атрибутивный распространитель может быть представлен прономинальным: *На другой день после этого свидания пришёлся как раз праздник св. Троицы, выпавший в этом году на день великомученика Тимофея, когда, по народным сказаниям, бывают знамения перед неурожаем* (Олеся); *И когда после его смерти они пошли и сделали, как он завещал, то нашли, что верхнее отделение было наполнено доверху золотыми монетами, между тем как в среднем лежали только простые кости, а в нижнем куски дерева* (Суламифь) или атрибутивно-порядковым компонентом: *И несчастный подпоручик, фендрик, как говорит Володя, вроде вас, да еще вдобавок обиженный, а не обидчик, получает после третьего выстрела страшную рану в живот и к вечеру умирает в мучениях* (Поединок), а также падежной формой имени существительного: – *Это звезда Сопдит, – ответил царь. – Это священная звезда. Ассирийские маги говорят нам, что души всех людей живут на ней после смерти тела* (Суламифь); *Всю нежную дружбу и любовь он после смерти князя перенес на его дочерей* (Гранатовый браслет); *И это, заметьте, на самых первых порах, сейчас же после разре-*

шения поединков (Поединок). И в них оценочная семантика высказывания выявляется с учётом когнитивного, коммуникативного и эмоционального его содержания. В отдельных контекстах темпоральное наречие *сейчас* в сочетании с частицей *же* акцентирует значение ‘сразу же, немедленно’, оценивая близкое временное следование событий.

А. И. Куприн при выражении временных отношений использует и более сложные образования, в которых есть разные по форме распространители: *Она без конца готова была слушать меня, когда я говорил ей о всевозможных родах ловли, – о всех опасностях неверного рыбацкого промысла, о героических преданиях, о морских легендах и суевериях, даже о нелепых шумных кутежах после богатого улова белуги* (Колесо времени); *Марии следовало бы родиться: или в золотой век человечества, или через несколько столетий после нашей автомобильной, кровавой, торопливой и болтливой эпохи* (Колесо времени). Темпоральный субстантивный оборот *после богатого улова белуги* представляет собой сложное словосочетание, в котором один главный его компонент подчиняет себе два зависимых, используя семантическую модель «предмет и его признак»: *после богатого улова; после улова белуги*, за которым скрывается коммуникативное задание высказывания: передать смысл ‘улов белуги был богатым’. *Через несколько столетий после нашей автомобильной, кровавой, торопливой и болтливой эпохи* представляет собой детерминантную группу, состоящую из двух самостоятельных темпоральных субстантивных оборотов. Количественно-именное сочетание *через несколько столетий* благодаря предлогу *через* называет временной интервал от известного момента, названного темпоральным субстантивным оборотом с предлогом *после*. Стремление автора перечислить более подробно и исчерпывающе разные признаки предмета в широком смысле слова (*эпохи*) предопределяют потенциальную предикативность конструкции. Такая презентация семантики разновременности значительно усиливает смысловую составляющую текста, повышает его образность и оценочную мотивированность сообщаемого со стороны автора высказывания. Оценку подобного рода можно квалифицировать как модусную [Девятова, 2024, с. 42–50], сформированную интерпретацией того или иного факта А. И. Куприным.

Обособленные темпоральные субстантивные обороты

В текстах повестей «Колесо времени» и «Суламифь» смысловое и интонационное осложнение простого предложения, содержащего темпоральный субстантивный оборот, может актуализироваться писателем, подчёркивающим наличие сжатого дополнительного высказывания, с помощью экспрессивного обособления [Фурашов, 1993; Сафронова, 2024] и выступать как особое изобразительное средство в том числе в целях оценочной детализации: *Помню ещё одно утро, после долгой, блаженной ночи...* (Колесо времени); *И когда теперь, после слов первосвященника, вспомнил он это, то сердце его сжалось от печали и страха. Ничего не ответив первосвященнику, он пошел дальше, в залу судилища* (Суламифь). В соответствии с выполняемым коммуникативным заданием уточнения смыслового содержания высказывания темпоральные субстантивные обороты теряют прочную синтаксическую связь с определяемым словом, что является грамматической, или синтаксической, предпосылкой их обособления: *Погляди, он красен, как кровь, как вечерняя заря, как распустившийся цвет граната, как густое вино из виноградников энгедских, как твои губы, моя Суламифь, как твои губы утром, после ночи любви* (Суламифь). Обособление темпоральных субстантивных оборотов, являющихся детерминирующими второстепенными членами предложения, вызвано, по нашему мнению, и тем, что они оказываются не в привычной синтаксической позиции абсолютного начала предложения, а размещаются между главными членами двусоставного предложения и их распространителями: *А на рассвете, в косых золотых лучах утреннего солнца, она, после бессонной ночи, вдруг так похорошела, так порозовела и посвежела, ну вот как будто бы она в это утро каталась на коньках и пришла домой, вся благоухающая снегом и здоровьем* (Колесо времени). Обособленные темпоральные обороты повышают информационную, оценочную и эмоционально-экспрессивную содержательность предложения [Абрамова, Степаненко, 2019, с. 16–19]. Они выразительно передают значение разновременности событий, акцентируя внимание читателя на темпоральной отнесённости ситуаций.

Заключение

Особая аксиологическая значимость темпоральных субстантивных оборотов как языковых

средств выражения оценочного содержания детерминирована их коммуникативной ёмкостью, их способностью отразить очень значимый фрагмент языковой концептуальной / категориальной и индивидуальной картины мира писателя. Категориальный статус анализируемых временных конструкций детерминирован лексической и грамматической семантикой предлогов, лексем, относящихся к именным частям речи, их падежных форм и выявляется через особенности их синтаксического функционирования. С помощью темпоральных субстантивных оборотов – их можно назвать предикативным компонентом – корректируется грамматическое значение предложения в аспекте синтаксического времени. В результате возникает семантико-грамматическая модификация предложения путём усложнения предикативной единицы.

Интерпретационный потенциал позитивной или негативной оценки темпоральных субстантивных оборотов для прочтения авторской интенции связан с пониманием смыслов организующего оборота субстантива, которые проявляются в его контекстуальных – парадигматических и синтагматических – связях.

Библиографический список

1. Абрамова Е. А., Степаненко А. И. Функции обособленного оборота в художественной речи (на материале поэзии XIX–XX вв.) // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XIII Международной научной конференции (Владимир, 24–26 сентября 2019 года), посвященной 90-летию проф. А. Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области. Владимир : Транзит-ИКС, 2019. С. 16–23.
2. Валгина Н. С. Теория текста : учебное пособие. Москва : Логос, 2003. 280 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва : URSS, 2002. 278 с.
4. Герасименко Н. А., Леденёва В. В., Шаповалова Т. Е. Язык современной публицистики: ценности и оценки : коллективная монография / под ред. В. В. Леденёвой. Москва : Государственный университет просвещения, 2024. 192 с.
5. Девятова Н. М. О синонимичных единицах и основаниях их различия: любопытный и интересный и характер проявления их оценки // Отечественная филология. 2024. № 4. С. 42–50.
6. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского языка. Москва : Наука, 2001. 439 с.
7. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва, 2006. 544 с.

8. Куприн А. И. Повести. Колесо времени. Москва : Художественная литература, 1976. 350 с.
9. Лагузова Е. Н. Описательные глагольно-именные обороты в православных изданиях // Лекантовские чтения – 2024: материалы Международной научной конференции (г. Москва, 18 ноября 2024 г.) / отв. ред. Е. Н. Орехова. Москва : Государственный университет просвещения, 2024.
10. Лекант П. А. Метафорическое поле имён времени в современном русском языке // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2016: сборник трудов Международной научной конференции. Москва : ИИУ МГОУ, 2016. С. 42–47.
11. Маркелова Т. В., Петрушина М. В. Оценочные высказывания в коммуникативном пространстве русского языка : монография. Москва : Институт современного искусства, 2019. 232 с.
12. Маркелова Т. В. Рациональное и эмоциональное в контексте лингвоаксиологии // Лекантовские чтения – 2024: материалы Международной научной конференции (г. Москва, 18 ноября 2024 г.) / отв. ред. Е. Н. Орехова. Москва : Государственный университет просвещения, 2024.
13. Милованова М. С. Формы отражения актуальных ценностей в современном дискурсе // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XIII Международной научной конференции (Владимир, 24–26 сентября 2019 года), посвящённой 90-летию проф. А. Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области. Владимир : Транзит-ИКС, 2019. С. 274–279.
14. Радбилль Т. Б. Пути и способы выявления ценностно значимой информации в естественном языке // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сборник статей. Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. С. 168–174.
15. Сафронова Н. А. Роль лексических показателей темпоральности и субъективной модальности в организации предложений с обособленными конструкциями // Лекантовские чтения – 2024: материалы Международной научной конференции (г. Москва, 18 ноября 2024 г.) / отв. ред. Е. Н. Орехова. Москва : Государственный университет просвещения, 2024.
16. Сигал К. Я. Аксиология и синтаксис // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. 2019. № 4. С. 236–240.
17. Словарь структурных слов русского языка / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева и др. Москва : Лазурь, 1997. 420 с.
18. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Москва : Ридерз Дайджест, 2004. 960 с. (В тексте – СТС).
19. Фурашов В. И. Полупредикативность как семантическое свойство обособленных членов предложения // Многоаспектность синтаксических единиц. Москва : Прометей, 1993. С. 204–216.
20. Шаповалова Т. Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания : монография. Москва : ИИУ МГОУ, 2020.
21. Шаповалова Т. Е. После острога: пропозитивные модели в тексте повести Ф. М. Достоевского «Записки из Мёртвого дома» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. No 3. С. 59–64.

Reference list

1. Abramova E. A., Stepanenko A. I. Funkcii obosoblennogo oborota v hudozhestvennoj rechi (na materiale poezii XIX–XX vv.) = Functions of an unattached phrase in literary speech (based on the poetry of XIX–XX cc.) // Jazykovye kategorii i edinicy: sintagmaticeskij aspekt. Materialy XIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Vladimir, 24–26 sentjabrja 2019 goda), posvjashhennoj 90-letiju prof. A. B. Kopeliovicha i 100-letiju pedagogičeskogo obrazovanija vo Vladimirskoj oblasti. Vladimir : Tranzit-IKS, 2019. S. 16–23.
2. Valgina N. S. Teorija teksta = Theory of text : uchebnoe posobie. Moskva : Logos, 2003. 280 s.
3. Vol'f E. M. Funkcional'naja semantika ocenki = Functional semantics of evaluation. Moskva : URSS, 2002. 278 s.
4. Gerasimenko N. A., Ledenjova V. V., Shapovalova T. E. Jazyk sovremennoj publicistiki: cennosti i ocenki = The language of contemporary journalism: values and evaluations : kollektivnaja monografija / pod red. V. V. Ledenjovoj. Moskva : Gosudarstvennyj universitet prosveshhenija, 2024. 192 s.
5. Devjatova N. M. O sinonimichnyh edinicah i osnovanijah ih razlicenija: ljubopytnyj i interesnyj i karakter projavljenija ih ocenki = On synonymous units and the grounds for their distinguishing: curious and interesting and the nature of their evaluation manifestation // Otechestvennaja filologija. 2024. № 4. S. 42–50.
6. Zolotova G. A. Sintaksicheskij slovar': repertuar jelementarnyh edinic russkogo jazyka = Syntax dictionary: a repertoire of elementary units in the Russian language. Moskva : Nauka, 2001. 439 s.
7. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Ju. Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka = Communicative grammar of the Russian language. Moskva, 2006. 544 s.
8. Kuprin A. I. Povesti. Koleso vremeni = Stories. The Wheel of Time. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1976. 350 s.
9. Laguzova E. N. Opisatel'nye glagol'no-imennye oboroty v pravoslavnyh izdanijah = Descriptive verb-noun phrases in Orthodox Christian publications // Lekan-tovskie chtenija – 2024: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Moskva, 18 nojabrja 2024 g.) / отв. ред. Е. Н. Орехова. Москва : Gosudarstvennyj uni-versitet prosveshhenija, 2024.
10. Lekant P. A. Metaforičeskoe pole imjon vremeni v sovremenom ruskom jazyke = Metaphorical field of time names in modern Russian // Racional'noe i jemo-cional'noe v ruskom jazyke – 2016: sbornik trudov

Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva : IJU MGOU, 2016. S. 42–47.

11. Markelova T. V., Petrushina M. V. Ocenочnye vyskazyvanija v kommunikativnom prostranstve russkogo jazyka = Evaluative statements in the communicative space of the Russian language : monografija. Moskva : Institut sovremennogo iskusstva, 2019. 232 s.

12. Markelova T. V. Racional'noe i jemotional'noe v kontekste lingvoaksiologii = The rational and emotional in the context of linguistic axiology // Lekantovskie chtenija – 2024: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Moskva, 18 nojabrja 2024 g.) / otv. red. E. N. Orehova. Moskva : Gosudarstvennyj universitet prosveshhenija, 2024.

13. Milovanova M. S. Formy otrazhenija aktual'nyh cennostej v sovremennom diskurse = The forms of reflecting important values in modern discourse // Jazykovye kategorii i edinicy: sintagmатический аспект. Materialy XIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Vladimir, 24–26 sentjabrja 2019 goda), posvjashhjonnoj 90-letiju prof. A. B. Kopeliovicha i 100-letiju pedagogičeskogo obrazovanija vo Vladimirskej oblasti. Vladimir : Tranzit-IKS, 2019. S. 274–279.

14. Radbil' T. B. Puti i sposoby vyjavlenija cennostno znachimoj informacii v estestvennom jazyke = Ways and means of identifying value relevant information in natural language // Sovremennaja rossijskaja aksiosfera: semantika i pragmatika identičnosti: sbornik statej. Moskva : Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A. S. Pushkina, 2020. S. 168–174.

15. Safronova N. A. Rol' leksičeskikh pokazatelej temporal'nosti i sub#ektivnoj modal'nosti v organizacii predlozhenij s obosoblennymi konstrukcijami = The role of lexical indicators of temporality and subjective modali-

ty in the structure of sentences with unattached phrases // Lekantovskie chtenija – 2024: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Moskva, 18 nojabrja 2024 g.) / otv. red. E. N. Orehova. Moskva : Gosudarstvennyj universitet prosveshhenija, 2024.

16. Sigal K. Ja. Aksiologija i sintaksis = Axiology and syntax // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serija: Filologija. 2019. № 4. S. 236–240.

17. Slovar' strukturnyh slov russkogo jazyka = Dictionary of Structural Words in the Russian Language / V. V. Morkovkin, N. M. Luckaja, G. F. Bogacheva i dr. Moskva : Lazur', 1997. 420 s.

18. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Modern explanatory dictionary of the Russian language / gl. red. S. A. Kuznecov. Moskva : Riderz Dajdzhest, 2004. 960 s. (V tekste – STS).

19. Furashov V. I. Polupredikativnost' kak semantičeskoe svojstvo obosoblennyh chlenov predlozhenija = Semi-predicativity as a semantic quality of unattached sentence members // Mnogoaspektnost' sintaksičeskikh edinic. Moskva : Prometej, 1993. S. 204–216.

20. Shapovalova T. E. Temporal'naja semantika poetičeskogo vyskazyvanija = Temporal semantics of poetic utterance : monografija. Moskva : IJU MGOU, 2020.

21. Shapovalova T. E. Posle ostroga: propozitivnye modeli v tekste povesti F. M. Dostoevskogo «Zapiski iz Mjortvogo doma» = After the prison: propositional models in F. M. Dostoevsky's story Notes from the Dead House // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2021. No 3. S. 59–64.

Статья поступила в редакцию 24.12.2024; одобрена после рецензирования 17.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.

The article was submitted on 24.12.2024; approved after reviewing 17.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025